

Е.Н.Трегубова

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЗНАК В ДИАЛЕКТНОЙ ТРАДИЦИИ

В отечественной лингвистике антропонимы исследуются как особый тип лексики с ярко выраженной национально-культурной спецификой значения. Этнокультурный компонент семантики имен собственных определяется в терминах когнитивной лингвистики как этноконнотация или разновидность культурной коннотации — антропонимическая коннотация. Методологическим основанием настоящей работы является понимание лингвокультуры как третьей самостоятельной системы (наряду с языком и культурой), в основе которой лежит ценностный кодекс. Это требует расширения границ и изменения фокуса наблюдения, выявляющего актуальные этнокультурные смыслы и способы их репрезентации в лингвокультуре. Повседневный и фольклорный дискурс рассматриваются как системы взаимообусловленные, единое дискурсивное пространство культуры, в котором формируются этноэстетические вкусы диалектной личности. В настоящей работе приводятся полевые ономастические данные, записанные в станицах и хуторах северо-западной части Кубани последних лет, свидетельствующие о жизнеспособности традиции, транслирующей ее ценностные установки. Имя, будучи знаком этнолингвокультуры, является членом антропонимического кода, единицы которого коррелируют с дискурсивными жанрами этнокультуры. Антропонимический код вырабатывается в дискурсивной практике этнокультуры на основе ее языковых законов и закрепляется в этнокультурном сознании как истинный. Формы имени, используемые в дискурсах разного типа, образуют культурную парадигму имени, к которой апеллирует говорящий в процессе речевой деятельности. Этнокультурное и этноэстетическое взаимосвязаны в этнокультурном восприятии — инородные имена отторгаются, наделяются отрицательными коннотациями. Свое осмысливается как этнокультурный образец и приобретает статус эстетического знака.

Ключевые слова: личное имя, лингвокультура, локальная культура, дискурсивное пространство, этнокультурная парадигма имени, антропонимический код, традиция, этноэстетический идеал имени

В отечественной лингвистике рубежа веков практика лингвокультурологического анализа с учетом когнитивной и дискурсивной природы языкового феномена сложилась как для исследований письменных, так и устных текстов [1-4]. Имена собственные как особый класс языковых единиц, отличающийся ярко выраженной национально-культурной спецификой, находятся в поле повышенного интереса исследователей национальных и региональных ономастических кодов. По мнению Е.Л.Березович, декларирования факта теснейшей связи ономастической картины мира и культуры этноса недостаточно; «необходима выработка методологии извлечения культурно-исторической информации из ономастического кода того или иного народа, а также описания и интерпретации этой информации» [5, с. 128]. В этом аспекте методологические поиски ведутся на материале региональной деловой письменности, антропонимы исследуются «как особые культурные маркеры, этноисторические знаки, ярко отражающие разностороннюю социальную жизнь, духовный мир», анализ региональной исторической антропонимии «ставится в контекст антропоцентрического, когнитивного, этнолингвистического, аксиологического исследования» [6]; на материале народных говоров изучаются фамильные и прозвищные имена как элемент локальной лингвокультуры [7-9], личные имена диалектной речевой традиции рассматриваются на фоне общерусской культуры, выявляются факторы, влияющие на выбор формы личного имени в дискурсивных практиках диалектной личности [10].

Научная ценность этих работ определяется не только широтой и разнообразием антропонимического материала, в котором манифестированы локальные варианты русского антропонимического кода. Региональная ономастика — это область методологического эксперимента, поиска соответствующего инструментального аппарата анализа и интерпретации единиц, наделенных специфическим культурным содержанием. Комплексный характер диалектологических трудов обусловлен антропоцентрической парадигмой современной науки, в центре которой находится триада человек-культура-язык. Отметим также, что обращение к устной локальной традиции в вопросе изучения специфики функционирования антропонимической системы представляется весьма актуальным и в связи с фактором обозримости ее дискурсивного пространства. Последнее понимается нами как «логическая среда, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности — люди, производящие эти дискурсы» [11, с. 154]. Специфика дискурсов и дискурсивных личностей традиционной культуры обусловлена сельским типом коммуникации [12], диалектная личность апеллирует при конструировании дискурса к когнитивной и дискурсивной картине мира. Важно, что фольклорный дискурс сегодня рассматривается как коммуникативно особый тип дискурса диалектной культуры: «...практики диалектного дискурса реализуются не только в форме обыденной разговорной речи, но и в форме эстетически обработанных фольклорных высказываний, отражающих единую систему диалектной культуры другим коммуникативным способом» [13, 14].

Наблюдаемые ономастические явления лингвокультуры мы описываем в терминах этнолингвистики, когда языковой знак только лишь «одежда» культурного смысла. Важнейший методологический постулат, высказанный родоначальниками Московской школы этнолингвистики «Будучи частью вербального (языкового) кода традиционной народной культуры, имена собственные занимают в нем особое место, образуя по существу

самостоятельный ономастический код» [15, с. 88], определяет лингвокультурологический вектор исследования антропонимов диалектной традиции как элементов этнокультурного ономастического кода, в котором они прежде всего единицы ментального и аксиологического плана, наделенные культурными функциями. Ономастическая ситуация в диалектной культуре вторичного образования, наблюдаемая в полевых условиях, интерпретируется нами с учетом исконного состояния ономастикона.

Материалом для статьи послужили записи диалектного и фольклорного дискурса, а также данные переписей населения станиц и хуторов северо-западной части Кубани (территория, на которой получила распространение черноморская традиция), полученные в полевых экспедициях последних 5 лет автором, материалы фольклорных источников и исследований в области языка кубанской народной лирической песни, а также данные Реестра Запорожского войска 1756 г. [16], позволившие выявить особенности исконного состояния диалектной именной традиции.

Кубанская лингвокультура имеет сложную диалектную основу, формировалась с конца 18 столетия на базе двух диалектных культур — малорусской и южнорусской, в постоянном контакте с донской (линейное донское казачество) в русскоязычном окружении (высшие слои казачества знали русский язык, на котором велось обучение, вся письменная документация отсылалась в Москву на русском языке). Постоянно прибывало крестьянское население из малорусских и южнорусских губерний. Таким образом, спецификой дискурсивного пространства кубанской диалектной традиции является бытование его на пересечении двух дискурсивных потоков — южнорусской речи и собственно украинской, что порождало повседневную актуализацию этнокультурных образцов как на уровне текста, так и на уровне отдельного слова.

Кубанской локальной традицией (северо-западной части) был унаследован малорусский именной код: *Василь, Мыкола, Пэтро, Сэмэн, Ясько / Яцько / Якив, Василь, Фэдир, Семен, Петро, Мыкола, Грицько, Данило, Юхим, Илько* и проч. [16, с. 88-90]. В зоне этнодиалектной рефлексии оказывались формы канонических имен (по святцам), которые подвергались трансформации, в повседневном и фольклорном дискурсе редко используются официальные формы, в основном трансформированные диалектные, чаще гипокористические. В лирическом цикле народных песен черноморского казачества обнаруживаем фольклорный антропонимический код, репрезентированный единицами повседневного дискурса (домашние имена) и одновременно специальными фольклорными элементами, которые определяются исследователями языка фольклора как знаки художественной системы диалектной культуры [17]. Так согласно данным Е.В.Литус, антропонимическая фольклорная формула лирической песни включала следующие имена: *Ге(э)расым, Василь, Яки(о)в, Иван, Мусий (Моисей), Пе(э)тр, Соврадым, Сте(э)пан, Хвэдор 2* и др.; гипокористические формы *Грыць, Васылэчок, Пе(э)трусь, Гри(ы)цько, Харько, Ярема / Ярэма* и др. [18, с. 67]. Обрядовые калядки и *щедривки* (песни на Рождество) содержат гипокористические диалектные формы имен святых *«Мэланка ходыла Васылько просыла, Васылько, мий татку, построй мэни хатку...»* (где *Мэланка* и *Васылько* — св. Мелания и св. Василий). Отметим, что и в переписях населения жителей станиц и хуторов начала прошлого (1900—1905 гг.) века, где проживало в основном славянское население, потомки казачьих семей, параллельно с русскими вариантами имен получил отражение малорусский код: *Димян* (Демьян), *Сыредон* (вместо, очевидно, Спиридон), *Назарь* (Назар), *Грыгорий, Сашко* (Александр), *Профир* (Порфирий) и др. В кубанских паремиях личные имена помещаются в ассоциативный лексический ряд, приобретая коннотации, свойственные смеховому дискурсу традиции, в котором ярко выражен менталитет носителей субкультуры маскулинного типа [19, с. 32].

В процессе речевой деятельности происходит функциональная дифференциация единиц этнокультурного антропонимического кода: в семантическом поле онима кумулируется «память» контекстуальных вхождений и формируется новый код, соотносенный с жанровой системой локальной традиции, формы личного имени коррелируют с дискурсивной картиной мира, в которой отражен опыт прошлых дискурсивных практик. Имя одновременно как вербальный и этнокультурный знак помещается в этноэстетическую область представлений об антропонимическом знаке, соотносится с неким идеальным образцом имени, общепринятым в культуре. *Нравьются имена Рая, Лариста, Мытички (Дмитрий, Виктор), Герастим, Харитина, Харюта* (ст-ца Старотитаровская, 2016, информанту 74 г.). В данном контексте наблюдаем комплекс особенностей именной системы кубанской лингвокультуры: явление контаминации имен *Анна-Галя* (сближение на основе укр. варианта Ганна), *Рая-Лариста* (с протетическим *т*), *Витя-Митя* («цэ одно имя: *Витички, Мытички*»), образование домашних форм имен, отличающихся от русских вариантов — протетический *т* в именах *Лариста, Герастим, Лэстик* (Алексей) и др.

Полевые записи отражают разные дискурсивные практики, реализующиеся в жанрах повседневной и праздничной деятельности — диалоги, обрядовые и песенные тексты, пословицы и поговорки. Рассматриваются тексты, содержащие личные имена, изреченные «устаами» традиции, свидетельствующие о живом этнокультурном сознании, которое и поныне отслеживает и защищает ее «рубежи». На «участке» личных имен мы пытаемся обнаружить проявление жизнеспособности традиции, увидеть ее как «естественную и первичную «территорию» накопления, хранения, возвышения и трансляции экзистенциальных ценностей человека (жизни, смерти, любви, семьи, свободы и т.д.) [20].

Обратимся к дискурсам традиции и представим их в свете приведенных выше методологических положений.

Первая группа текстов отражает ситуации, когда этнокультурное сознание апеллирует к готовым языковым образам лингвокультуры, которые осмыслены как этнокультурная ценность (единственно правильный знак), благодаря предшествующему дискурсивному опыту культуры.

Так, в ст-це Елизаветинской местное коренное население и сегодня распознает своего и «чужака» по вариантам имени *Фёдор / Фэдир / Хвэдир, Хэдир*. В дискурсивном пространстве традиционной культуры имя маркируется этнокультурным сознанием, причем маркер *свой* проявляется как актуальный на фоне инаковых форм имени — русской и украинской, распространенных в регионе и известных носителям традиции. Наличие всех трех форм в культурном пространстве региона является постоянным стимулом лингвокультурной рефлексии, актуализирует этнокультурную форму как единственно правильную, отделяющую своего от чужака. Интересна сама ситуация проверки на этнокультурную идентичность: В ст-це Елизаветинской (2018) записан диалог, когда коренные жители проверяют новичка-механика на предмет его этнокультурной принадлежности, предложив ему произнести имя *Фёдор*. Произнесенный вариант *Фэдир* встречают смехом: *«Ну вот! А мы кажэмо Хвэдир»* (последнее время фиксируем чаще *Хэдир*).

В ситуации имяназвания сегодня типичной является картина, когда в культурный конфликт вступают старшие и младшие члены семьи. Старший (еще авторитетный в семье) носитель традиции «не пропускает» в пространство семьи инокультурное имя, определяя его как недопустимое «в школе дразнить будут» (часто встречающийся «пугающий» аргумент). Реципиент 1928 г.р. рассказывает (о внучке): *Як называлы? ... чи Агата, чи Ядвига. А я кажу (сыну): ты чи дурак, чи шо! Яка Ядвига, диты вси всэ врэмя у школи дразнить будуть яг-яга, ну ты хоть соображаши своей головою. Ны за шо, ны за яки гроши! Пишов... Ага, пишов, на другый дэнь прыходэ и кажэ: ма, знаиши, як будэм называть? - Як? - Аня. - О! Оцэ так она у нас Анечка и есть. Анюточка, я йиш...* (ст-ца Старовеличковская, 2017). Показателен также рассказ реципиента Андрея, по паспорту Антона, который в станице проживает под чужим именем долгое время (ему 73 года), так как еще в школе его «дразнили», и родители вынуждены были просить администрацию школы записать его в журнале под именем Андрей (ст-ца Старонижестеблиевская, 2014). Матрёна (крещеная в честь св. Матрёны) в х. Сенном (уже будучи взрослым человеком, приехав на работу в школу) братом была отрекомендована директору под именем Марина и так и проживает до сих пор с этим именем (х. Сенной, 2017). Отмечены также ситуации этнокультурной закреплённости канонического имени (о внуке): *Диты Кырылом хотели назвать. Кырыло! Цэ ш цыганскэ имя! Тильки цыганив так называлы. А! Кирюша, Кирил, ну тогда ладно. Так и называлы Кирюша* (ст-ца Старовеличковская, 2016). Казалось бы, несущественное фонетическое и грамматическое смещение становится важным дифференцирующим этнокультурным маркером, позволяющим имя включать в пространство лингвокультуры со знаком «свой». Отметим, что имена *Кырыло* и *Антон* (в варианте *Антин*) в Реестре 1756 г., где приведены списки казаков всех куреней, упоминаются единично. Очевидно, что и в кубанской этнокультуре в дальнейшем имена не вошли в ее ономастикон. Таким образом, «свой» образ имени определяет и эстетические установки культуры: закреплённые устойчивые звуковые сочетания в именах «ласкают слух» носителей культуры, что обеспечивает, с одной стороны, консервативность региональных систем, и, с другой, активную способность транслировать номинативные модели из поколения в поколение. Наблюдаемые ситуации позволяют предполагать действие механизма, когда в диалектном сообществе языковой образ запечатлевается как знак этнокультуры и получает статус единственно правильного знака, а следовательно, знака этноэстетического, идеального.

Вторая группа текстов представляет собой дискурсы разных речевых жанров традиции и позволяет обратиться к функциональному плану лингвокультуры, когда диалектная личность в речевой деятельности использует единицы антропонимической культурной парадигмы согласно устоявшимся дискурсивным правилам. Приведем текст, в котором коммуникативная ситуация осознается диалектоносителем как акт свидетельства о традиции, передачи культурно значимой информации, ценности исторического опыта:

Прабабушка моя Марфа Тарасовна, она сама Бабыч, у неё фамилия была девичья, а замужэм она была за Савченком Иваном Ивановичем, вот, и оны тэ як його умэрлы. Всэ сэрьэзно и по-настоящему. Дедушка был офицэром большим, от это Савченко Иван Иванович... У Бабыча було восемнадцать сынов, 4 дочки: Гаши, моя бабушка Марфа Тарасовна, он был Тарас Иванович и Дарья Ивановна Бабычи, мои дедушка и бабушка Бабычи, и оны булы от дочки, Агафья, Марфа, Дарья и Таня, чи той, Ирина, Орышка называлы. Одна була в Петрофвской замужэм Бабыч, другая була в Черноерковской — Орышка, була замужэм за Чугуём, а ця за Давыдэнком була... (х. Бараниковский, 2018).

Приведенный фрагмент дискурса наделен характеристиками эпической речи и одновременно документальной, биографической, проникнут интенциями достоинства (речь идет об одном из известных казачьих родов в станице), свидетельства об истории рода, ценности сообщаемой информации, важности ее для потомков. В нем репрезентирована этнодиалектная картина мира, в которой концепты род и семья занимают центральное место и являются аксиологическими, что подчеркивается оценочным предложением *«Всэ сэрьэзно и по-настоящему»*. Документальность, историчность повествования обуславливают использование полной (официальной) антропонимической формулы *Марфа Тарасовна Бабыч, Савченко Иван Иванович* и др. Одновременно наблюдаем в речи вкрапления именного кода повседневного (обыденного) дискурса — гипокористик *Орышка* (в домашнем общении), локальные формы фамилий *Давыденком, Чугуём*, что обусловлено спонтанностью ситуации, устным характером речи.

В обрядовых же дискурсах наблюдаем формы, характерные для повседневного дискурса, однако в контексте ритуальной фольклорной фразы они приобретают иной функциональный статус. Имя конкретного человека, помещенное в ритуальную фразу, и самого человека восхищает из мира повседневности в иную (праздничную, сакральную) реальность. В обрядовом дискурсе щедровального цикла, порождаемого интенцией

преобразования мира, когда действие совершается в хронотопе святого вечера перед Рождеством, семантика сакральности окрашивает весь контекст и проецируется на антропонимические единицы — личные имена, которые называют персонажа сакрального события, одновременно наделяя его свойствами уникальности, выделенности из социума, семантикой инобытия: *Ой по уо'ри, та й по уо'рочки Там ходыла молодая Лида Вона ходыла, та ще й сад сады'ла. Сад садыла, та ще й розмовля'ла: «Росты' са'ду, та выще мэн'нэ, Выще мэн'нэ, та краще мэн'нэ* (ст.-ца. Петровская, 2000. Фонды КубДК). В свадебном обрядовом дискурсе обнаруживаем уменьшительно-ласкательные формы личных имен: *А Галечку (Ниночку, Танечку) нэнько родыла, Мисяцем огородыла, зирницею пидпоясала, до венца провожала... А Ванечку (Колечку, Васеньку) нэнько родыла...* (х. Верхний, 2002). Использование в фольклорных контекстах гипокористических форм обусловлено, как нам представляется, ритмическими свойствами обрядового дискурса. В паремиях, типизирующих определенную ситуацию, используются, как правило, полные имена: *Васыл баби ридный Хвэди́р (Хэди́р, Фэди́р). Про мэнэ Сэмэнэ — я Иван. Не плачь Мартынэ - матэ ще пидкинэ*. В лирической песне трансформация имени Григорий обусловлена разной фольклорной фразой: *Гриця, Гриценко, Грицько*. Типичны фольклорные формы *Ивась, Иваночко, Иванько, Пэтрусь, Васылэчек* и под., которые в повседневной диалектной речи не используются. Таким образом, имя, будучи вписанным в «архитектуру» определенного дискурса как его составляющая, воспринимает его модальности и реагирует трансформацией формы.

В контексте изложенных наблюдений, предполагаем, что факты такого употребления свидетельствуют о взаимно направленных векторах влияния фольклорного и повседневного дискурса на формирование системы имен. Взаимовлияние проявляется в том, что обрядовый дискурс использует единицу повседневного, домашнего дискурса, а условия ее вхождения обусловлены ритмической структурой фольклорной фразы. Вектор обратного влияния проявляется в наличии авторитетного списка имен в этнокультуре, который актуализируется в фольклорном дискурсе. Так, например, частотные имена, обнаруженные нами в рамках полевого исследования (2014—2017) в переписи коренного населения станиц и хуторов Кубани 1905 г., совпадают с частотным списком имен лирического фольклорного дискурса. Это такие мужские имена, как *Василий, Иван, Петр, Григорий*.

Таким образом, наши наблюдения позволяют обозначить следующие гипотезы, которые требуют дальнейшей разработки и апробации на обширном материале:

1) Этнокультура в сфере ономастических систем функционирует на основе механизмов, когда языковой образ распознается как этнокультурный, соответственно истинный, и в дальнейшем вводится сознанием в систему эстетических этнокультурных представлений. Фонетический и грамматический образ имени, а также его структура воспринимаются диалектной личностью как этнокультурный образец и соответственно наделяются статусом этноэстетического знака. В фольклорном и паремиологическом дискурсе формируется ассоциативно-семантический образ имени, который является архетипичным для сознания носителя традиции, и выполняет конструирующую роль в этнолингвокультуре, формируя этноэстетические идеалы в сфере антропонимической системы.

2) Локальной традиции присуща этнокультурная парадигма имени. В каждом конкретном коммуникативном акте этнокультурное сознание апеллирует к ономастической базе лингвокультуры, где онимы (в частности, личные имена) представлены в виде культурных парадигм и конкретная единица соотносена с определенным речевым жанром. В пространстве конкретного дискурса антропоним меняет свои структурные и семантические свойства, обусловленные интенциями дискурса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Краснодарского края (проект № 18-412-230007).

1. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. 189 с.
2. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., 2000. С. 37-64.
3. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского литературного языка (XI—XVIII вв.): Лингвистические очерки: монография. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. 266 с.
4. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2012. № 3(19). С. 14-20.
5. Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987—1998) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 1999. № 13. С. 128-141.
6. Кюршунова И.А. К итогам исследования исторической антропонимии в новых парадигмах лингвистического знания // CARELICA. 2018. № 1(19). С. 56-64.
7. Костюченкова Е.М. Антропонимическая система как элемент лингвокультуры донского казачества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 38(82). С. 183-188.
8. Кульпинов Ю.А. Отражение христианской культуры в онимах Изобильненского района Ставропольского края (этнолингвистический аспект) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 60. С. 77-83.
9. Щербак А.С., Жалнина Е.В. Региональная антропонимика — составная часть ономастики // Вестник ТГУ. 2012. № 10(114). С. 42-47.
10. Астафьева Е.А. Факторы, определяющие выбор формы личных имен в дискурсе диалектной языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 407. С. 5-10. DOI: 10.17223/15617793/407/1.
11. Плотникова С.В. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Magister Dixit. 2011. № 2. С. 152-158.
12. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия ВГПУ. 2016. № 9-10(113). С. 133-138.

13. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 36-54. DOI: 10.17223/19986645/50/3.
14. Эмер Ю.А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. С. 50-60.
15. Толстой Н.И., Толстая С.М. Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов / РАН, Ин-т славяноведения, Национальный комитет славистов РФ. М., 1998. С. 88-125.
16. Реестр Запорожского войска 1756 года. Краснодар, 1997. 111 с.
17. Венгранович М.А. Фольклорный текст в аспекте специфики фольклорной эстетической макросферы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № S23. С. 57-62.
18. Литус Е.В. Специфические особенности антропонимической формулы в русско- и украиноязычных песнях казаков Кубани // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. С. 66-70.
19. Пивень А.Е. Торба смеха и мешок хохота. Краснодар: Советская Кубань, 1995. 221 с.
20. Андреев А.П., Рахматуллина З.Я. Антропоцентрическая сущность традиции [Электр. ресурс]. URL: <http://patriot-sever.ru/antropocentricheskaya-sushhnost-tradicii.html> (дата обращения: 22.07.2019).

References

1. Nikitina S.E. Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, 1993. 189 p.
2. Karasik V.I. Etnokul'turnye tipy institucional'nogo diskursa [Ethnocultural types of institutional discourse]. Etnokul'turnaya spetsifika rechevoy deyatel'nosti. Moscow, 2000, pp. 37-64.
3. Nikitin O.V. Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVIII vv.): Lingvisticheskie ocherki: monografiya [Business writing in the history of the Russian literary language (11th — 18th centuries): Linguistic essays: monograph]. Moscow, 2017. 266 p.
4. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. Miromodeliruyushchiy potentsial rechevogo zhanra (na materiale dialektnoy rechi) [The world-modeling potential of the speech genre (based on the material of dialect speech)]. Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya, 2012, no. 3(19), pp. 14-20.
5. Berezovich E.L. Etnolingvisticheskaya problematika v rabotakh po onomastike (1987—1998) [Ethnolinguistic issues in research papers on onomastics (1987-1998)]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ser. 2: Gumanitarnye nauki, 1999, no. 13, pp. 128-141.
6. Kyurshunova I.A. K itogam issledovaniya istoricheskoy antroponomii v novykh paradigmax lingvisticheskogo znaniya [Study of historical anthroponymy in the new paradigms of linguistic knowledge]. CARELICA, 2018, no. 1(19), pp. 56-64.
7. Kostyuchenkova E.M. Antroponimicheskaya sistema kak element lingvokul'tury donsogo kazachestva [Anthroponymic system as an element of linguistic culture of the Don Cossacks]. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I.Gertsena, Ser. Obshchestvennye i humanitarnye nauki, 2008, no. 38(82), pp. 183-188.
8. Kul'pinov Yu.A. Otrazhenie khristianskoy kul'tury v onimakh Izobil'nenskogo rayona Stavropol'skogo kraya (etnolingvisticheskiy aspekt) [Christian culture in the names of the Izobilnensky district of Stavropol Territory (ethnolinguistic aspect)]. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, no. 60, pp. 77-83.
9. Shcherbak A.S., Zhalnina E.V. Regional'naya antroponomika — sostavnaya chast' onomastiki [Regional anthroponymy is an integral part of onomastics]. Vestnik TGU, 2012, no. 10(114), pp. 42-47.
10. Astaf'eva E.A. Faktory, opredelyayushchie vybor formy lichnykh imen v diskurse dialektnoy yazykovoy lichnosti [Factors determining the choice of personal names in the discourse of a dialect speaker]. Vestn. Tom. gos. un-ta. 2016, no. 407, pp. 5-10. DOI: 10.17223/15617793/407/1.
11. Plotnikova S.V. Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya [Discursive space: problem statement]. Magister Dixit, 2011, no. 2, pp. 152-158.
12. Kryuchkova O.Yu., Gol'din V.E. Kommunikativnye svoystva dialektnoy rechi i spetsifika dialektного tekstovogo korpusa [Communicative characteristics of dialect speech and the specifics of a dialect text corpus]. Izvestiya VGPU, 2016, no. 9-10 (113), pp. 133-138.
13. Demeshkina T.A., Tubalova I.V. Dialektnyy diskurs kak sfera realizatsii natsional'noy kul'tury: konstanty i transformatsii [Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations]. Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya, 2017, no. 50, pp. 36-54. DOI: 10.17223/19986645/50/3.
14. Emer Yu.A. Fol'klornyy diskurs: kognitivno-diskursivnoe issledovaniya [Folklore discourse: cognitive-discursive research]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 2011, no. 2, pp. 50-60.
15. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. Imya v kontekste narodnoy kul'tury [Name in the folk culture] Problemy slavyanskogo yazykoznaniiya. Tri doklada k XII Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov. Moscow, 1998, pp. 88-125.
16. Reestr Zaporozhskogo voyska 1756 goda [Registry book of the Zaporizhzhya army, 1756.]. Krasnodar, 1997. 111 p.
17. Vengranovich M.A. Fol'klornyy tekst v aspekte spetsifiky fol'klornoy esteticheskoy makrosfery [Folk text in the framework of folk aesthetic macrosphere]. Izvestiya vuzov, Severo-Kavkazskiy region, Seriya: Obshchestvennye nauki, 2006, no. S23, pp. 57-62.
18. Litus E.V. Spetsificheskie osobennosti antroponimicheskoy formuly v russko- i ukrainoyazychnykh pesnyakh kazakov Kubani [Specific features of the anthroponymic formula in Russian and Ukrainian songs of the Cossacks of the Kuban]. Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2014, no. 9, pp. 66-70.
19. Piven' A.E. Torba smekha i meshok khokhota [Sack of laughter and a bag of guffaw]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1995. 221 p.
20. Andreev A.P., Rakhmatullina Z.Ya. Antropotsentricheskaya sushchnost' traditsii [Anthropocentric essence of tradition]. Available at: <http://patriot-sever.ru/antropocentricheskaya-sushhnost-tradicii.html> (accessed: 22.07.2019).

Tregubova Ye.N. Personal name as a ethno-cultural sign in dialect tradition. In Russian linguistics, anthroponyms are studied as a special type of vocabulary with pronounced national and cultural specific elements in meaning. The ethnocultural component of proper names semantics is termed in cognitive linguistics as ethno connotation or a kind of cultural connotations — anthropological connotation. The methodological basis of this work includes understanding of linguoculture as a third independent system (within language and culture), which is based on the value code. It requires expanding the boundaries and changing the focus of observation, revealing the ethno-cultural meanings and ways of their representation in linguoculture. Everyday discourse and folklore discourse are viewed as interdependent systems, as unified discursive space of culture in which ethno aesthetic tastes of a dialect speaker are developed. This paper presents field onomastic data recorded in the villages of the North-Western part of the Kuban in recent years, these materials indicate the viability of the cultural tradition that translates its values. The name as a sign of ethno lingual culture is a component of the anthropological code, the units of which correlate with the discursive genres of ethnic culture. Anthroponymic code is produced in the discursive practice of ethnic culture. This process is based on the language laws and fixed in

ethnic and cultural consciousness as true. The forms of the name used in discourses of different types develop the cultural name paradigm to which the speaker appeals in speech. Ethno-cultural and ethno-aesthetic components are interconnected in the linguacultural perception, foreign names are rejected and obtain negative connotations. It is understood as an ethno-cultural model and acquires the status of an aesthetic sign.

Keywords: personal name, linguoculture, local culture, discourse space, the ethno-cultural paradigm name, anthroponymic code, tradition, ethno-aesthetic naming ideal.

Сведения об авторе. Елена Николаевна Трегубова — канд. филол. наук, доцент, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет в г. Славянске-на-Кубани, факультет филологии, истории и обществознания, кафедра русской и зарубежной филологии; tregubova@ethnolex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.